

О темпераментъ *).

Все наше психическое содержаніе, все наше интеллектуальное богатство слагается изъ впечатлѣній, получаемыхъ нами изъ внѣшняго міра. Этимъ психическимъ содержаніемъ опредѣляются цѣли нашей дѣятельности, слѣдовательно—общее направленіе нашихъ дѣйствій. Но какъ именно мы будемъ совершать эти дѣйствія, что мы будемъ испытывать при ихъ совершеніи,—это опредѣляется уже внутренними условіями, зависящими отъ нашей организаци. Эти внутреннія условія отражаются и на интеллектуальномъ психическомъ содержаніи, вслѣдствіе чего воспріятія, представленія и понятія не представляютъ у различныхъ людей тождественнаго отношенія между собою; это можетъ зависѣть отъ большей или меньшей интенсивности мозговой дѣятельности, отъ дѣятельности органовъ чувствъ, отъ временныхъ колебаній въ распредѣленіи психической энергіи. Это будутъ тѣ моменты, которые опредѣляютъ индивидуальныя различія нашей познавательной способности и будутъ возникать и имѣть значеніе только въ связи съ воздѣйствіями внѣшняго міра,—въ формѣ ли непосредственныхъ воспріятій, въ формѣ ли воспроизведенныхъ представленій и отвлеченныхъ понятій. Съ другой стороны, эти внутреннія условія будутъ опредѣлять качество нашихъ ощущеній.

Что при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, при одной и той же оцѣнкѣ значенія окружающаго, два различныхъ чловека будутъ поступать неодинаково, даже стремясь къ одной и той же цѣли и употребляя для этого одни и тѣ же средства,—

*) Рѣчь, произнесенная на шестомъ годовомъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,—22 октября 1895 года.

это старая истина. Что это различіе обусловливается внутренними свойствами чловѣка и, далѣе, что эти свойства находятся въ зависимости отъ физической организаціи чловѣка, это было установлено еще на зарѣ науки древней греческой философіей и медициной въ ученіи о темпераментѣ.

Но ближайшее опредѣленіе условій индивидуальных различій между людьми съ тою точностью, которой требуетъ наука, даже болѣе—надлежащее выясненіе самыхъ этихъ различій оказывается дѣломъ труднымъ.

Вслѣдствіе этой трудности два основныя понятія, характеризующія собою условія, опредѣляющія качество нашихъ дѣйствій,—темпераментъ и характеръ — все еще остаются недостаточно ясными и нерѣдко даже смѣшиваются другъ съ другомъ.

Исслѣдованіе причинъ индивидуальных различій можетъ идти двумя путями, въ зависимости отъ двухъ вопросовъ, которые требуется разрѣшить: во-первыхъ, слѣдуетъ опредѣлить, какіе бываютъ темпераменты; во-вторыхъ, опредѣлить, каковы причины ихъ различія.

Отвѣтъ на первый вопросъ долженъ быть данъ сначала, дабы установить тѣ факты, причины которыхъ будутъ изучаться. Это совершенно соотвѣтствовало бы обычному методу естествознанія, но по отношенію къ темпераментамъ съ самаго начала былъ избранъ и часто избирается и доннынѣ второй путь; это осложнило и запутало ученіе о темпераментахъ.

Слово „темпераментъ“ имѣло своимъ первоначальнымъ значеніемъ то количество внутренняго жара, которое имѣетъ въ себѣ каждый чловѣкъ. Предполагалось, что эта различная степень внутренней температуры, или темпераментъ, зависѣла отъ различной комбинаціи элементовъ, изъ которыхъ состоитъ чловѣческое тѣло. Четыре элемента Эмпедокла—земля, вода, огонь и воздухъ—опредѣлили собою четыре элемента чловѣческаго тѣла. Гиппократъ замѣнилъ эти четыре элемента по отношенію къ чловѣческому тѣлу четырьмя соками, которыми онъ считалъ кровь, флегму, желтую желчь и черную желчь. Различнымъ соотношеніемъ этихъ соковъ опредѣлились и четыре темперамента: сангвиническій, флегматическій, холерическій и меланхолическій. Галенъ, однако, опять возвратился къ ученію Эмпедокла о твердомъ, жидкомъ, горячемъ и холодномъ и раздѣлилъ темпераменты на горячій-сухой, горячій-влажный, холодный-влажный и холодный-сухой. Въ то время

шла рѣчь также о темпераментѣ отдѣльныхъ органовъ: сердца, печени, мозга и т. д.

Аристотель полагалъ результатъ смѣшенія элементовъ въ измѣненіи свойствъ крови, которая, по его мнѣнію, могла быть горячей и холодной, легкой или тяжелой или густой, — названія, такъ часто встрѣчающіяся въ общежитіи и до-нынѣ.

Новые взгляды на элементы принесли и новые взгляды на темпераменты. Четыре элемента греческой философіи замѣнились тремя элементами алхимиковъ, и причину различія темпераментовъ стали искать въ преобладаніи соли, сѣры или ртути.

Явилось предположеніе, что существуетъ только два основныхъ элемента: эфиръ и воздухъ, — и оно тотчасъ отразилось на ученіи о темпераментахъ; именно, эфиръ, по этому ученію, обуславливалъ легкость, а воздухъ — тяжесть.

Наука постепенно обогащалась новыми фактами, и старое ученіе о темпераментахъ утрачивало подъ собою почву. Открытія Галилея, открытіе кровообращенія Гарвеемъ обратили вниманіе на физическія свойства тѣлъ. Различная степень плотности тѣлъ, треніе, значеніе тяжести — выступили на первый планъ и по отношенію къ свойствамъ крови и тканей и условіямъ кровообращенія. На смѣну такъ называемой гуморальной теоріи, возникла противоположная теорія, имѣвшая въ виду, главнымъ образомъ, физическія свойства тѣлъ, — солидарная патологія, придававшая главное значеніе твердости, плотности, жесткости тканей, и Шталь принималъ по отношенію къ темпераментамъ три фактора: свойство крови, порозность сосудовъ и ширину просвѣта сосудовъ. Густая кровь, широкія поры и узкіе просвѣты сосудовъ обуславливаютъ флегматическій темпераментъ: въ плотныя ткани проникаетъ только болѣе жидкая, водянистая часть крови, поэтому цвѣтъ лица флегматиковъ блѣдный, количество внутренней теплоты незначительно. Густая темная кровь, узкія поры и широкіе сосуды обуславливаютъ меланхолическій темпераментъ.

Гофманъ, изобрѣтатель извѣстныхъ капель, далъ слѣдующую схему: сангвиническій темпераментъ — слабыя волокна тканей, жидкая кровь; флегматическій темпераментъ — слабыя волокна, густая кровь; холерическій темпераментъ — плотныя волокна, жидкая кровь; меланхолическій темпераментъ — плотныя волокна, густая кровь.

Наконецъ, Галлеръ совершенно отвергъ значеніе крови и пе-

ренесъ центръ тяжести на различіе въ плотныхъ элементахъ, различіе ихъ силы и возбудимости. У Галлера не оказывается, между прочимъ, сангвиническаго темперамента, но вмѣсто него является темпераментъ, который онъ называетъ «мужицкимъ», характеризующійся большою силой и малою степенью возбудимости.

Такъ произошелъ полный разрывъ съ гуморальной теоріей. Наряду съ этимъ, дѣйствительно существующія въ организмѣ жидкости были лучше изучены, число ихъ возросло болѣе, чѣмъ до пятидесяти, и гуморальная теорія въ ея первоначальной формѣ стала достояніемъ исторіи.

Отъ солидарной патологіи до нервной патологіи оставался только одинъ шагъ.

Никакая другая изъ составныхъ твердыхъ тканей организма не имѣетъ такого близкаго отношенія къ чувствительности и движению, какъ нервная система, т.-е. головной и спинной мозгъ и соединенные съ ними нервы. Вслѣдствіе этого постепенно вырабатывалась точка зрѣнія, что вся жизнь организма, его здоровье и болѣзнь, находятся въ зависимости отъ нервной системы. Къ нервной системѣ былъ отнесенъ и темпераментъ, какъ это первоначально сдѣлалъ Брисбергъ. Холерическій или холерическо-сангвиническій темпераментъ, по его мнѣнію, всегда соединяется съ большимъ мозгомъ, съ грубыми и крѣпкими нервами и съ большою чувствительностью какъ всего тѣла, такъ и органовъ чувствъ. Отъ этого зависитъ легкость воспріятія впечатлѣній, острота сужденія и въ то же время склонность къ раздражительности и гнѣву. При маломъ мозгѣ, очень тонкихъ нервахъ и тупыхъ органахъ чувствъ наблюдается, по его мнѣнію, флегматическій или флегматическо-меланхолическій темпераментъ. Такія лица нуждаются въ раздраженіяхъ болѣе сильныхъ, мало успѣваютъ въ наукѣ и болѣе способны переносить тягости жизни и работы. Какъ образчикъ этихъ двухъ противоположностей темперамента, онъ приводитъ чловека и—кита. Эта теорія, придававшая главное значеніе величинѣ мозга, не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія, и отъ нея остались только два фигуральныя выраженія, которыя извѣстны всѣмъ: нѣжная нервная система и «нервы крѣпкіе и толстыя, какъ канаты».

Изложенныя точки зрѣнія всѣ имѣютъ матеріалистическій характеръ.

Спиритуалисты смотрѣли на дѣло съ противоположной точки зрѣнія. Тѣло, по ихъ мнѣнію, есть лишь матеріалъ, изъ котораго душа строитъ то, что хочетъ, и то, что можетъ; тѣло есть, слѣдовательно только орудіе для проявленія души, инертная масса, съ которой душа находится въ постоянной борьбѣ. Поэтому и темпераменты принимались какъ результатъ смѣшенія уже не физическихъ, а психическихъ ингредиентов. Платнеръ опредѣляетъ органъ души какъ соединенный съ душой, невидимый, дѣйствующій въ нервныхъ и мозговыхъ фибрахъ самостоятельный принципъ ощущенія и движенія. Онъ раздѣляетъ его на два начала, изъ которыхъ одно содержится въ зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ нервахъ, другое — въ обонятельныхъ, вкусовыхъ и нервахъ общаго чувства. Первый органъ души — болѣе существенный и благородный: онъ пробуждаетъ въ душѣ идеи, которыя относятся къ опредѣленію бытія, къ абстрактнымъ понятіямъ и чистымъ истинамъ. Второй пробуждаетъ въ душѣ неясныя, сливающіяся изъ смутныхъ ощущеній представленія о состояніи животнаго тѣла, которое необходимо для удержанія перваго органа души въ физическихъ условіяхъ этой жизни. Съ чистыми умственными представленіями о мірѣ, входящими черезъ первый органъ души, постоянно смѣшиваются животныя ощущенія, происходящія изъ втораго органа души. Всюду въ умственныхъ дѣйствіяхъ человѣческой природы проявляется и животный характеръ; точно такъ же, только въ болѣе скрытой степени, и въ животныхъ проявленіяхъ обнаруживается характеръ духовный. Но въ этомъ смѣшеніи могутъ быть различныя отношенія: можетъ быть болѣе сильнымъ первый органъ души и болѣе слабымъ второй, или менѣе сильнымъ первый и болѣе сильнымъ второй. Можетъ быть много силы въ обоихъ и, наконецъ, мало силы въ обоихъ органахъ. Такъ образуются четыре темперамента, которые Платнеръ обозначаетъ особыми терминами: аттическій или умственный темпераментъ, скиескій или животный, римскій или героическій и фригійскій или безсильный. Каждый изъ этихъ темпераментовъ можетъ быть двухъ родовъ, смотря по тому, легко ли и свободно проявляется дѣятельность втораго органа души, или медленно и съ трудомъ. Аттическій темпераментъ распадается на ээирный и меланхолическій, скиескій — на сангвиническій и бэотійскій, римскій распадается на пылкій и мужественный темпераменты, фригійскій — на флегматическій и гектический.

Генле *) замѣчаетъ, что по отношенію къ стремленію связать темпераментъ съ свойствами и дѣятельностью души Платнера можно считать предшественникомъ Канта. Дѣйствительно, Кантъ, хотя и признаетъ зависимость темпераментовъ отъ свойствъ организма, но рассматриваетъ ихъ, тѣмъ не менѣе, какъ основныя проявленія способностей души чувствовать и дѣйствовать. Какъ чувство, такъ и дѣятельность могутъ быть болѣе или менѣе сильными, и такимъ образомъ являются четыре темперамента: два темперамента чувства и два темперамента дѣятельности. Къ темпераментамъ чувства Кантъ причисляетъ сангвиническій и противоположный ему меланхолическій темпераментъ, къ темпераментамъ дѣятельности — холерическій и флегматическій. Онъ называетъ сангвиническій темпераментъ легкокровнымъ, меланхолическій — тяжелокровнымъ, холерическій — теплокровнымъ и флегматическій — хладнокровнымъ, не приводя ихъ однако въ прямую связь со свойствами крови. Опредѣливъ въ немногихъ словахъ эти отношенія, Кантъ даетъ краткую характеристику каждому темперамента, которая не имѣетъ никакой прямой связи съ установленными имъ точками зрѣнія. Эта характеристика заслуживаетъ однако полнаго вниманія, вслѣдствіе ея обыкновенной яркости.

„I. Темпераменты чувства. А. Сангвиническій темпераментъ легкокровнаго. — Сангвиникъ, по Канту, обнаруживаетъ свой способъ чувствованія слѣдующимъ образомъ. Онъ беззаботенъ и всегда питаетъ хорошія надежды; каждой вещи на мгновеніе придаетъ большое значеніе и въ слѣдующее мгновеніе совсѣмъ о ней не думаетъ. Онъ честно общается, но не держитъ слова, такъ какъ онъ не достаточно глубоко обдумалъ, будетъ ли въ состояніи сдержать его. Онъ достаточно добръ для того, чтобъ оказать другому помощь, но плохой должникъ и постоянно требуетъ отсрочки. Онъ хорошій собесѣдникъ, шутливъ, забавенъ, ничему не придаетъ большого значенія (*vive la bagatelle!*) и всѣхъ людей считаетъ друзьями. Обыкновенно это не злой человѣкъ, но грѣшникъ, котораго трудно обратить, и который, хотя и сильно раскаивается въ чемъ-нибудь, но скоро забываетъ это раскаяніе (которое никогда не бываетъ скорбью). Онъ устааетъ за занятіями и однако всегда занятъ тѣмъ, что есть только игра, пото-

*) J. Henle. Anthropologische Vorträge. 1876.

му что это заключаетъ въ себѣ перемѣну, постоянство же—не его дѣло.

В. Меланхолическій темпераментъ тяжелоокровнаго.—Расположенный къ меланхолии (но не меланхоликъ, потому что это означало бы извѣстное состояніе, а не простую склонность къ извѣстному состоянію) придаетъ большое значеніе всему, что касается его самого, всюду находитъ причину для безпокойства и обращаетъ вниманіе прежде всего на трудности, тогда какъ сангвиникъ приступаетъ къ дѣлу съ надеждой на успѣхъ; поэтому первый мыслить глубоко, тогда какъ послѣдній мыслить только поверхностно. Онъ съ трудомъ даетъ обѣщанія, потому что ему дорого сдержать свое слово, а способность его къ этому представляется ему сомнительной. Не то, чтобъ это происходило изъ моральныхъ причинъ (такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о чувственныхъ мотивахъ), — его заботятъ возможныя препятствія, что дѣлаетъ его недоувѣрчивымъ и осторожнымъ, а вслѣдствіе того и недоступнымъ радости. Это настроеніе духа, если оно привычно,—противоположно настроенію друга людей, которое болѣе свойственно сангвинику, по крайней мѣрѣ, по первоначальнымъ побужденіямъ, потому что тотъ, кто самъ лишенъ радости, едва ли дастъ ее другимъ.

II. Темпераменты дѣятельности. С. Холерическій темпераментъ теплокровнаго.—О немъ говорятъ: онъ горячъ. Вспыхиваетъ быстро, какъ солома, скоро успокаивается подъ вліяніемъ уговоровъ, затѣмъ сердится, но безъ ненависти, и еще болѣе любитъ того, кто ему скоро уступаетъ. Его дѣятельность быстра, но не стойка. Онъ человѣкъ дѣловой, но не легко принимается за дѣло и именно поэтому онъ очень охотно дѣлается распорядителемъ, который ведетъ дѣло, но самъ его не исполняетъ. Поэтому его господствующая страсть есть честолюбіе,—онъ любитъ заниматься общественными дѣлами и желаетъ, чтобъ его хвалили вслухъ. Поэтому онъ любитъ вышность и пышность формальностей, охотно заступается и по наружности великодушень, но не изъ любви, а изъ гордости, потому что онъ болѣе любитъ самого себя. Онъ придерживается порядка и поэтому кажется умнѣе, чѣмъ онъ есть. Онъ любостыжателень, но не скупъ; вѣжливъ, но перемонень, натянутъ и стѣсненъ въ обращеніи и любитъ имѣть какого-нибудь льстеца, который служилъ бы мишенью его шутокъ; онъ терпитъ болѣе огорченій вслѣдствіе

противодѣйствія со стороны другихъ его гордымъ претензіямъ, чѣмъ скупецъ вслѣдствіе своей жадности, потому что малѣйшая злая шутка разсѣиваетъ облако его важности, тогда какъ скупой вознаграждается за это выигрышемъ. — Словомъ, холерическій темпераментъ—изо всѣхъ наименѣе счастливый, потому что онъ болѣе другихъ вызываетъ противодѣйствіе себѣ.

D. Флегматическій темпераментъ хладнокровнаго.—Флегма означаетъ отсутствіе впечатлительности, но не вялость (безжизненность), и человѣка, у котораго много флегмы, нельзя тотчасъ же называть флегматичнымъ или флегматикомъ; и подъ этимъ именемъ помѣшаты въ классъ лѣнтяевъ.

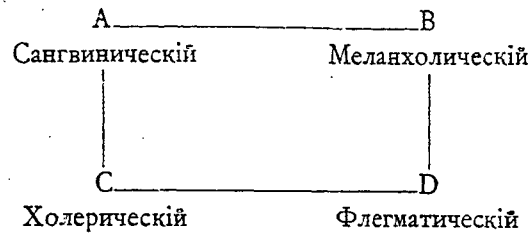
Флегма, какъ слабость, есть наклонность къ бездѣятельности, причемъ даже сильные мотивы не могутъ побудить къ занятіямъ. Нечувствительность же есть добровольная бесполезность, причемъ склонности направлены только къ насыщенію и ко сну.

Флегма, какъ сила, есть, на противъ, свойство двигаться не легко или быстро, но хотя и медленно, За то долго. Тотъ, кто имѣетъ въ себѣ хорошую дозу флегмы, нагрѣвается медленно, но долше удерживаетъ теплоту. Онъ не легко приходитъ въ гнѣвъ, но сначала обдумываетъ, не долженъ ли онъ разгнѣваться; въ то время какъ, съ другой стороны, холерикъ готовъ придти въ бѣшенство изъ-за того, что онъ не можетъ вывести твердаго человѣка изъ его хладнокровія.

Снабженный отъ природы самой обыкновенной дозой разума и въ то же время этой флегмой, безъ блеска, исходящій однако изъ принциповъ, а не изъ инстинкта, хладнокровный не имѣетъ поводовъ къ раскаянію. Его счастливый темпераментъ заступаетъ ему мѣсто мудрости, и его называютъ часто, даже въ обыкновенной жизни, философомъ. Поэтому онъ превосходитъ другихъ, не оскорбляя ихъ тщеславія. Его часто называютъ также хитрымъ, потому что всѣ направленные на него баллисты и катапульты отскакиваютъ отъ него, какъ отъ мѣшка, набитаго шерстью. Онъ сговорчивый супругъ и умѣетъ приобрести власть надъ женой и родными,—и между тѣмъ кажется, что онъ согласенъ со всѣми, такъ какъ онъ умѣетъ ихъ волю привести въ согласіе съ своей непреклонной, но обдуманной волей,—подобно тому, какъ тѣла съ малой массой и большой скоростью пробиваютъ, съ меньшей же скоростью, но съ большой массой—увлекаютъ съ собой встрѣчающееся имъ препятствіе, не разбивая его.

Если одинъ темпераментъ соединяется съ другимъ, какъ это обыкновенно предполагается, на примѣръ:

то они или противодѣйствуютъ одинъ другому, или нейтрализуются. Первое происходитъ, если принять въ одномъ и томъ же субъектѣ соединеніе сангвиническаго съ меланхолическимъ, или холерическаго съ флегматическимъ, потому что они (А и В, а также С и D) находятся другъ съ другомъ въ противорѣчїи. Второе, именно нейтрализація, произошло бы отъ соединенія (подобнаго химическому) сангвиническаго съ холерическимъ и меланхолическаго съ флегматическимъ (А и С, а также В и D), потому что добродушная веселость не можетъ быть мыслима слитой въ одномъ актѣ съ устрашающимъ гнѣвомъ—такъ же, какъ муки самотерзающагося человѣка съ довольнымъ спокойствїемъ самого себѣ довлѣющаго духа. Если же въ одномъ и томъ же субъектѣ одно изъ этихъ состояній смѣняетъ другое, то это будутъ простыя настроенія, а не опредѣленный темпераментъ.

Слѣдовательно, не бываетъ смѣшанныхъ темпераментовъ, на примѣръ, сангвиническо-холерическаго (какой желаютъ имѣть всѣ вертопрахи, которые выдумываютъ, что они бывають то строгими, то милостивыми), но ихъ всего только четыре и каждый изъ нихъ простой, и неизвѣстно, что дѣлать съ человѣкомъ, который приписываетъ себѣ смѣшанный темпераментъ.

Радость и легкомысліе, глубокомысліе и безуміе, надменность и упорство, наконецъ, хладнокровіе и малодушіе суть лишь проявленія темперамента въ зависимости отъ производящихъ причинъ.

Какое вліяніе различіе темпераментовъ имѣетъ на общественныя дѣла или, наоборотъ, послѣднія (вслѣдствіе привычнаго упражненія) на различіе темпераментовъ,—это думаютъ вывести частью изъ опыта, частью съ помощью предполагаемыхъ случайныхъ причинъ. Такъ, на примѣръ, въ религіи холерикъ будетъ ортодок-

сальнымъ, сангвиникъ—свободомыслящимъ, меланхоликъ—мечтателемъ, флегматикъ—индифферентистомъ“.

Можетъ быть, именно вслѣдствіе этой яркости описанія—характеристика Канта получила всеобщее распространеніе. Его ученіе можно считать апофеозомъ ученія о четырехъ темпераментахъ. Хотя онъ не далъ для этого ученія никакого основанія, онъ санкціонировалъ его своимъ описаніемъ, и эта санкція гениальнаго ума даетъ себя чувствовать и до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, попытки опредѣлить условія, опредѣляющія качество нашихъ дѣйствій, привели къ схемѣ четырехъ темпераментовъ. При этомъ опредѣленіе шло отъ причинъ, обусловливающихъ темпераменты, къ ихъ дѣленію и характеристикѣ.

Однако, при примѣненіи ученія о темпераментахъ къ дѣйствительности, не оказывалось возможнымъ включить въ рамки четырехъ темпераментовъ всѣ различные случаи проявленія свойствъ и качествъ дѣятельности человѣка. Вслѣдствіе этого явилось уже очень рано предположеніе, что темпераменты могутъ быть смѣшанные. Такъ возникли сангвинико-холерическій, холерико-флегматическій и т. п. темпераменты.

Постепенно исчезла всякая возможность ориентироваться въ схематическихъ дѣленіяхъ разныхъ авторовъ, и одно время ученіе о темпераментахъ было совершенно оставлено безъ вниманія.

Этому въ значительной степени способствовало то обстоятельство, что механизмъ психической дѣятельности сталъ болѣе понятенъ, и болѣе ярко, чѣмъ прежде, выступило значеніе разнаго рода комбинацій не основныхъ свойствъ организаціи, какъ имѣли въ виду раньше, а комбинаціи дѣятельности органовъ чувствъ, различной группировки психическихъ состояній. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ также значительно подвинулось впередъ. Такимъ образомъ, явилось много данныхъ приводить въ связь свойства темперамента со взаимнымъ отношеніемъ между собою разныхъ сторонъ психической дѣятельности. Кромѣ того выяснилось, что внутреннія условія, опредѣляющія собою качество отношеній человѣка къ внѣшнему міру, не представляютъ собою постоянной, неизмѣнной величины, видоизмѣняясь въ зависимости отъ различныхъ условій. Вслѣдствіе этого ученіе о темпераментахъ отступило совершенно на второй планъ и стало нѣкоторыми авторами считаться лишь достояніемъ исторіи. До какой степени неясности дошло дѣло, можно видѣть, между прочимъ,

изъ того обстоятельства, что въ самыхъ важныхъ и подробныхъ справочныхъ книгахъ о темпераментѣ можно найти иногда лишь нѣсколько строкъ.

Однако, наука продолжала обогащаться все новыми и новыми свѣдѣніями, имѣющими непосредственное отношеніе именно къ вопросу объ отношеніи организациі чловѣка къ его психической дѣятельности. Первенствующая роль нервной системы въ этомъ отношеніи стала внѣ всякаго сомнѣнія. Изученіе свойствъ нервной субстанціи и ея реакцій охватило собою всю сферу проявленій душевной жизни, и такъ сказать, поглотило ученіе о темпераментахъ, которое перестало выдѣляться въ отдѣльную область изслѣдованія. Этимъ, въ свою очередь, объясняется, что въ настоящее время при характеристикѣ психическаго состоянія по большей части не упоминается о темпераментѣ, хотя обстоятельно говорится о степени возбудимости нервной системы, о степени ея утомляемости, объ отношеніи къ различнымъ внѣшнимъ раздраженіямъ, о сопровождающемъ аффектѣ и т. д. Такимъ образомъ, ученіе о темпераментахъ, нисколько не утративъ своего первоначальнаго значенія, слилось въ общемъ анализѣ психическаго состоянія.

Однако, это не можетъ считаться удобнымъ въ виду того, что ученіе о темпераментахъ стремилось опредѣлить тѣ общія свойства, которыя проявляютъ себя болѣе или менѣе постоянно и такимъ образомъ являются однимъ изъ элементовъ общей характеристики психическаго типа. Поэтому время отъ времени ученые возвращались къ попыткамъ дать характеристику темпераментовъ, исходя изъ существующихъ свѣдѣній о роли и дѣятельности нервной системы.

И здѣсь, какъ и въ старое время, надо отмѣтить два приема: одинъ идетъ отъ анализа свойствъ нервной системы, отъ тѣхъ причинъ, слѣдовательно, которыми опредѣляется темпераментъ, къ рѣшенію вопроса о томъ, какіе могутъ быть темпераменты. Второй приемъ заключается въ первоначальномъ опредѣленіи темпераментовъ, чтобы затѣмъ перейти къ причинамъ.

Первый приемъ возможенъ, конечно, только при предположеніи, что намъ вполне извѣстны условія дѣятельности нервныхъ элементовъ, такъ какъ если мы будемъ исходить изъ гипотетическихъ основаній, то въ научномъ отношеніи наши заключенія не многимъ будутъ отличаться отъ первоначальныхъ разсужденій о значеніи черной и желтой желчи.

Къ сожалѣнію, однако, нельзя сказать, чтобы наши свѣдѣнія объ интимной жизни нервныхъ элементовъ были уже полными.

Мы знаемъ, правда, что нервная клѣтка обладаетъ извѣстною степенью возбудимости, которая можетъ быть сильной или слабой, быстрой или медленной; мы знаемъ, что возбудимость эта измѣняется въ зависимости отъ состоянія питанія этой клѣтки, что она усиливается при достаточномъ или обильномъ притоке питательнаго матеріала, что она ослабѣваетъ и можетъ совершенно прекратиться при недостаткѣ питанія. Мы знаемъ, наконецъ, что въ клѣткѣ происходятъ внутренніе процессы частью химическаго, частью физическаго характера, что, съ одной стороны, въ ней происходитъ постоянная вибрація молекулъ, съ другой стороны, рядомъ идутъ два процесса: одинъ—процессъ распада или дезинтеграціи, другой—процессъ возстановленія или реинтеграціи. Но есть еще вопросы объ отношеніи дѣятельности клѣтокъ къ нѣкоторымъ свойствамъ ощущеній, которые остаются для насъ открытыми.

Поэтому, если мы будемъ утверждать, что темпераменты находятся въ зависимости отъ большей или меньшей силы и большей или меньшей быстроты реакціи клѣтки на внѣшнія возбужденія, мы впадемъ въ такой же схематизмъ, какъ и древніе. Это и произошло въ дѣйствительности.

Такъ, напримѣръ, Генле, исходя изъ того предположенія, что чувствующимъ нервамъ присущъ такой же тонусъ, т.-е. состояніе нѣкотораго постояннаго возбужденія, какое наблюдается въ двигательныхъ нервахъ, ставитъ темпераменты въ зависимость отъ колебанія этого тонуса и, сочетая силу и слабость, быстроту и медленность, получаетъ вновь тѣ же четыре темперамента, съ которыхъ и начинается вопросъ.

То же надо сказать и о Лесгафтѣ*), который начинаетъ свою классификацію съ утвержденія, что въ настоящее время мы уже имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы увѣренно опредѣлить различіе темпераментовъ, причемъ классифицируетъ ихъ въ зависимости отъ ширины просвѣта сосудовъ, принимая во вниманіе условія питанія нервныхъ клѣтокъ, и вновь получаетъ четыре темперамента.

Съ такою же—если не съ большей—ясностью этотъ схематизмъ

---

*) П. Лесгафтъ. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. СПб. 1893.

выступает и у Фулье*), который въ самое недавнее время выступилъ съ анализомъ темперамента и характера, взявъ въ основаніе ихъ раздѣленія точку зрѣнія Канта. По его мнѣнію, также настала моментъ дать научное опредѣленіе темперамента, и онъ ставитъ такимъ опредѣляющимъ условіемъ постоянно происходящія въ клѣткѣ процессы дезинтеграціи и реинтеграціи и снова приходитъ къ четыремъ темпераментамъ.

Всѣ современные авторы весьма обстоятельно излагаютъ отношенія жизни клѣтки и ея возбудимости къ психической жизни, и колебанія въ степени интенсивности клѣтки переносятъ и на теченіе психической жизни.

Здѣсь есть однако обстоятельство, которое, повидимому, упускается ими изъ виду. Оно заключается въ томъ, что, если интенсивность психическаго процесса и находится въ такомъ отношеніи къ интенсивности дѣятельности клѣтки, какое они предполагаютъ, то не всегда то же можно сказать о настроеніи, которое однако является одной изъ главнѣйшихъ характерныхъ чертъ темперамента.

Въ большинствѣ случаевъ предполагается, что настроеніе есть явленіе, сопровождающее психическій процессъ и находящееся всегда въ одинаковомъ отношеніи къ нему. Чѣмъ легче, быстрѣе и свободнѣе совершаются психическіе процессы, тѣмъ лучше и настроеніе. Затормозится психическій процессъ,—и настроеніе станетъ подавленнымъ. Правда, существуетъ и обратная точка зрѣнія, которая говоритъ, что если настроеніе хорошее, то и психическій процессъ совершается съ легкостью и мысли будутъ легко возникать и связываться; будетъ настроеніе подавленнымъ,—и мысли соотвѣтственно будутъ грустными.

Во всѣхъ этихъ утвержденіяхъ есть своя доля правды: настроеніе слагается изъ множества отдѣльныхъ моментовъ, сопровождающихъ психическій процессъ во всѣхъ его стадіяхъ и естественно видоизмѣняется съ нимъ вмѣстѣ. Съ другой стороны, настроеніе поддерживается и тѣми смутными психическими состояніями, которыя частью еще не выходятъ изъ безсознательной сферы, вслѣдствіе чего всякій вновь возникающій психическій процессъ находитъ для себя какъ бы готовый фонъ, который оказываетъ на него свое вліяніе.

Но этого еще не достаточно для того, чтобы принять полную

---

*) A. Fouillée. *Tempérament et caractère*. Paris. 1895.

взаимную зависимость настроенія отъ совершающагося въ данный моментъ психическаго процесса, или наоборотъ.

Если мы обратимся къ анализу простѣйшихъ психическихъ величинъ—ощущеній, то увидимъ слѣдующее: каждое ощущение имѣетъ извѣстную степень силы, заключаетъ въ себѣ элементъ сознанія и обладаетъ извѣстными качествами и специфичностью. Каждое ощущение имѣетъ въ себѣ также то, что называется чувственнымъ тономъ,—то, что опредѣляетъ степень его пріятности или непріятности. Слѣдя за измѣненіями этого чувственного тона, который и служитъ основаніемъ для настроенія, мы можемъ замѣтить, что онъ измѣняется въ нѣкоторой зависимости отъ тѣхъ же условій, отъ которыхъ зависитъ и сила ощущенія: именно, интенсивность внѣшняго раздраженія, съ одной стороны, его продолжительность, съ другой, обуславливаютъ собою какъ колебанія въ силѣ ощущенія, такъ и колебанія въ чувственномъ тонѣ, который изъ пріятнаго можетъ стать совершенно непріятнымъ.

Это обстоятельство и было принято во вниманіе при опредѣленіи зависимости настроенія отъ психическаго процесса. Казалося, что надо допустить только различную степень чувствительности къ раздраженію, чтобы найти условіе для измѣненія настроенія какъ временнаго, такъ и постояннаго. Это соображеніе и легло въ основаніе громаднаго большинства современныхъ трактатовъ о темпераментѣ. Вниманіе авторовъ оказалось всецѣло поглощеннымъ выясненіемъ условій измѣненія чувствительности къ раздраженію,—потому-то такъ настойчиво и ведется рѣчь о питаніи нервныхъ центровъ, причемъ обстоятельно принимаются во вниманіе всѣ условія индивидуальной жизни, съ одной стороны,—условія роста, воспитанія, условія труда и обстановки, и съ другой стороны, условія наслѣдственности, какъ въ смыслѣ прямого сохраненія свойствъ предковъ, такъ и въ смыслѣ вырожденія, т.-е. прогрессирующей слабости нервныхъ центровъ.

Изъ такой постановки вопроса само собой слѣдуетъ, что если темпераментъ, опредѣляющій собою основное настроеніе, находится въ прямой и единственной зависимости отъ чувствительности къ раздраженію, то предположивъ одинаковую чувствительность къ раздраженію, мы должны получить и одинаковый темпераментъ, или, говоря объ элементарныхъ психическихъ процессахъ, при одинаковой чувствительности къ раздраженію мы должны предполагать и одинаковый чувственный тонъ.

Въ дѣйствительности наблюдается, однако, другое. Субъективное отношеніе къ одному и тому же явленію будетъ различно качественно и безъ отношенія къ количественному различію распредѣленія силъ. Это субъективное различіе и будетъ обуславливать то, что называется темпераментомъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что при опредѣленіи темперамента надо, наоборотъ, стремиться къ тому, чтобы по возможности устранить всѣ условія, измѣняющія чувствительность къ раздраженію, чтобы избѣжать осложняющихъ моментовъ,—и лишь тогда передъ нами явятся темпераменты во всей ихъ чистотѣ.

Изъ того, что различіе чувственного тона не было принято во вниманіе, произошло и неудовлетворительное раздѣленіе темпераментовъ, которое, впрочемъ, сознается и авторами; послѣдніе постоянно замѣчаютъ, что чистыхъ, типическихъ темпераментовъ не существуетъ, что если у нихъ попросить опредѣленія темперамента даннаго лица, они не смогутъ его дать; наконецъ они, предлагаютъ принять еще средній темпераментъ, или такъ называемый, нормальный.

Между тѣмъ, чувственный тонъ проявляетъ себя наиболѣе въ господствующемъ настроеніи. Поэтому положить въ основаніе раздѣленія темпераментовъ различіе преобладающаго настроенія — единственно правильный пріемъ классификаціи. Только установивъ различіе темпераментовъ, можно перейти къ опредѣленію ихъ происхожденія, какъ это сдѣлалъ въ послѣднее время Зеландъ*), о которомъ Фулье поспѣшно высказалъ, что онъ принялъ слѣдствіе за причину.

Опредѣляя наиболѣе стойкія, постоянныя настроенія, мы можемъ выдѣлить два темперамента: одинъ—живой, бодрый, который можно назвать веселымъ, другой—безстрастный, за которымъ можетъ быть удержано названіе флегматическаго**). Наконецъ, изъ сліянія этихъ темпераментовъ является темпераментъ спокойный или, какъ его хорошо назвалъ Зеландъ, ясный. Всѣ эти темпераменты—нормальные темпераменты, и всѣ они съ совершенной отчетливостью выступаютъ у всѣхъ здоровыхъ людей.

Прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ заключеніямъ, которыя есте-

*) N. Zéland. Le tempérament au point de vue psychologique et anthropologique. Congrès international d'archéologie et d'anthropologie à Moscou. Т. II.

**) Кстати сказать, флегматическій темпераментъ описанъ лучше и вѣрнѣе другихъ. Не игралъ ли здѣсь роли темпераментъ самихъ авторовъ?

ственно вытекаютъ изъ только-что сказаннаго, надо упомянуть о томъ, что темпераментъ очень часто смѣшиваются съ характеромъ, изъ чего, главнымъ образомъ, и происходитъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Именно смѣшеніемъ и надо объяснить, что количество темпераментовъ оказывается чрезвычайно большимъ, если мы примемъ во вниманіе всѣ смѣшанныя формы, существованіе которыхъ допускается различными авторами.

Характеръ челоѣка слагается изъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается его психическая жизнь и дѣятельность. Впечатлѣнія внѣшняго міра образуютъ въ центральной нервной системѣ извѣстныя группы, которыя и опредѣляютъ то, что называется чувствомъ, стремленіемъ, мыслью. Различныя отношенія между этими группами обуславливаютъ различіе характеровъ, которое и выражается различіемъ чувствъ, идей и дѣйствій. По отношенію къ разницѣ между темпераментомъ и характеромъ можно сказать, что темпераментъ выражается въ преобладающемъ настроеніи и представляетъ собою какъ бы фонъ, на которомъ обрисовывается характеръ, который и имѣетъ ближайшее отношеніе къ выраженію челоѣческой личности въ дѣйствіи.

Между тѣмъ, какъ указано выше, темпераментъ опредѣляли также по характеру дѣйствій челоѣка, желая такимъ образомъ опредѣлить качество реакціи нервныхъ элементовъ. Отсюда понятно, какъ произошло это смѣшеніе, господствующее и до настоящаго времени. Что касается прошлаго, то можно сказать, что именно смѣшеніе темперамента и характера было одной изъ причинъ, почему вопросъ о темпераментахъ оставался въ такомъ незаконченномъ видѣ. Нужно вспомнить хотя бы знаменитыя характеристики Канта, чтобы убѣдиться въ томъ, что то, что онъ относилъ къ темпераменту, относится, въ сущности, къ характеру. Напримѣръ, вліяніе челоѣка на окружающихъ, стремленіе его скорѣе распорядиться, чѣмъ работать, неспособность выполнять свои обязательства и проч. суть черты характера, а не темперамента, хотя онѣ и могутъ обуславливаться органическими свойствами даннаго лица.

Намъ нѣтъ надобности долѣе останавливаться на отношеніи темперамента и характера, такъ какъ насъ занимаетъ въ настоящую минуту только первый.

Итакъ, мы приняли два основныхъ темперамента: веселый и флегматическій и также ихъ соединеніе — ясный темпераментъ.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на проявленія вырожденія, то увидимъ, что съ психической стороны оно прежде всего выражается въ двухъ видахъ: въ болѣе легкомъ видѣ—въ нарушеніи характера, когда равновѣсіе между различными сторонами душевной жизни нарушается и является такъ называемая неуравновѣшенность. Въ такихъ случаяхъ наступившая слабость организаци выражается въ порывистости и неустойчивости, причемъ степень той и другой можетъ быть весьма различна. Въ другой, болѣе тяжелой формѣ, вырожденіе выражается въ измѣненіи настроенія, которое приобретаетъ два характерныхъ отгѣнка: тоскливость и раздражительность. Здѣсь уже далеко не рѣдко можно встрѣтить тоскливость, сопровождаемую наклонностью къ самоубійству, и порывистую, несдержанную страстность.

На такихъ первоначальныхъ степеняхъ психическое вырожденіе можетъ не выразиться никакими другими явленіями слабости, такъ что вполне остается возможность производительной и даже блестящей психической дѣятельности. Это обстоятельство подало поводъ къ недоразумѣнію, что геніальность есть уже выраженіе нарушенія правильныхъ психическихъ функцій, хотя въ дѣйствительности могла быть рѣчь только о томъ, что измѣненія характера и настроенія не являются еще препятствіемъ для проявленія геніальности.

Такимъ образомъ, тоскливость, какъ постоянное свойство настроенія, съ одной стороны, и порывистость, хотя и безъ признаковъ слабости, съ другой, суть два основныхъ признака психического вырожденія.

Но эти именно свойства и кладутся въ основаніе характеристики меланхолическаго и холерическаго темпераментовъ. Здѣсь же надо вспомнить, что характеристикой сангвиническаго темперамента считается легкомысліе.

Однако, принять проявленія слабости за свойства нормальнаго темперамента я считаю совершенно невозможнымъ, почему и отношу сангвиническій, меланхолическій и холерическій темпераменты лишь къ болѣзненнымъ видоизмѣненіямъ дѣйствительно здоровыхъ темпераментовъ.

Кромѣ постояннаго измѣненія темперамента подъ вліяніемъ вырожденія, надо принять во вниманіе и временныя нарушенія настроенія подъ вліяніемъ другихъ условій: случайнаго заболѣванія, нарушеннаго питанія, неблагоприятныхъ условій жизни.

и пр. Эти измѣненія настроенія исчезаютъ по устраненіи причинъ и не оказываютъ прямого вліянія на темпераментъ. Наконецъ, есть моменты, нѣсколько маскирующие дѣйствительный темпераментъ, и объ нихъ будетъ нѣсколько словъ ниже.

Темпераментъ проявляется уже съ самаго ранняго возраста, какъ только наступаетъ хотя нѣкоторое равновѣсіе въ дѣятельности различныхъ нервныхъ центровъ, и я съ своей стороны не могу присоединиться къ мнѣнію, что онъ видоизмѣняется съ возрастомъ до такой степени, какъ это предполагаетъ, напримѣръ, Фулье, и что будучи сангвиническимъ въ дѣтствѣ, онъ становится совершенно противоположнымъ, именно флегматическимъ—въ старости, въ зависимости отъ избытка энергіи въ дѣтскомъ возрастѣ и отъ ея недостатка въ старости. Всякому извѣстны дѣти спокойнаго темперамента,—такъ же, какъ и дѣти живыя и флегматичныя.

Тѣ же три темперамента наблюдаются и у различныхъ половъ.

Въ заключеніе надо сказать нѣсколько словъ о томъ, что различные народы представляютъ также различія въ темпераментахъ. У каждаго народа можно ежедневно видѣть представителей всѣхъ трехъ нормальныхъ темпераментовъ, но въ то же время, сравнивая между собою различные народы, надо признать, что ихъ наиболѣе типичныя черты выражаются въ преобладаніи извѣстнаго только темперамента. Достаточно указать на различіе между русскими и французами, съ одной стороны, и нѣмцами и англичанами, съ другой. Живой темпераментъ французовъ и безстрастный темпераментъ нѣмцевъ и англичанъ вошли даже въ пословицу.

Относительно темперамента русскаго народа существуетъ, впрочемъ, крупное недоразумѣніе. Именно, въ высшей степени часто онъ называется то флегматическимъ, то меланхолическимъ, причемъ въ доказательство приводятся заунывныя русскія пѣсни и стремленіе утопить свое горе въ винѣ.

Для разъясненія этого недоразумѣнія я укажу лишь на слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, русскій народъ создалъ не только однѣ пѣсни—подобныя стону, а и бойкія плясовыя пѣсни, и если можно что сказать о музыкальныхъ выраженіяхъ настроенія русскаго народа, то лишь то, что они весьма однообразны, что вполнѣ объясняется отсутствіемъ у него всякаго музыкальнаго образованія. Стремленіе же схватывать всякій новый мотивъ въ высшей степени велико. Во-вторыхъ, если уже нужно найти какой-нибудь примѣръ выраженія темперамента, то правильнѣе

остановиться на смѣхѣ, который лучше, чѣмъ что-либо, выдаетъ глубочайшее настроеніе. А всякому извѣстенъ искренній, веселый смѣхъ русскаго человѣка. Далѣе, что особенно важно, всякій разъ, когда русскій находится въ работѣ, онъ склоненъ къ веселости и шуткамъ. Это относится ко всякимъ моментамъ его дѣятельности, и даже въ кровавомъ военномъ дѣлѣ онъ сохраняетъ свое добродушіе и веселость.

Такимъ образомъ, русскій ярко обнаруживаетъ живой, веселый темпераментъ, свойственный также и французскому народу, причемъ наши друзья отличаются отъ насъ лишь большей страстностью, съ одной стороны, и гораздо большею выработкой характера, съ другой, что выражается ихъ большею способностью къ сдержанности.

Но картина совершенно мѣняется для русскаго человѣка во время бездѣлья. Онъ въ буквальномъ смыслѣ слоняется съ мѣста на мѣсто, отыскивая впечатлѣній, которыхъ негдѣ найти, не зная, чѣмъ заполнить свое время, и наконецъ доходитъ до кабака, который имѣетъ чѣмъ заглушить всякія неудовлетворенныя стремленія.

Мнѣ кажется, нѣтъ надобности далеко искать причинъ совершеннаго неумѣнья русскаго заполнить свое время, причемъ онъ производитъ даже впечатлѣніе какого-то отчаяннаго меланхолика. Достаточно вспомнить, что русскій народъ на-половину безграмотенъ.

Безграмотность есть невозможность найти себѣ умственную пищу иначе, какъ путемъ разговора, невозможность сосредоточить свою мысль на одномъ предметѣ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, невозможность возвратиться къ одному и тому же предмету размышленія, не рискуя стать жертвою ошибокъ памяти, невозможность расширить свой умственный кругозоръ новыми понятіями, слѣдовательно невозможность укрѣпить свою волю и развить въ себѣ способность противо-дѣйствія низшимъ побужденіямъ. Словомъ, это—крупнѣйшій психологическій факторъ, лишающій человѣка силы въ борьбѣ съ самимъ собою и окружающими вліяніями, это—состояніе умственнаго голода, который можетъ вести къ такимъ же нелѣпымъ выходкамъ и безумнымъ порывамъ, какъ и голодъ физическій, и если существуетъ изреченіе: въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ, то на ряду съ нимъ должно быть поставлено другое: здоровый духъ можетъ быть только при здоровой умственной пищѣ.

А. Тонарскій.

2*